

Черные муравьи (II). Лин Чаоцзянь...

Когда Ши Цзю проснулся, за окном стояла глухая, непроглядная ночь. В стене напротив двери виднелось узкое, вытянутое окно с крестообразной рамой — юноша отметил это со странным, горьким чувством: тюрьма, выстроенная в церковном стиле, казалась верхом дурновкусия.

Снаружи доносился шум. Поднявшись на кровати, Ши Цзю увидел, что подростки вовсю шумят и дурачатся в общем зале. На железных столах в центре стояло несколько ящичков с водой и мешки с едой — кто-то из ребят уже перетащил припасы внутрь. Одни торопливо ели, другие бросали пустые ланч-боксы прямо на месте.

— Придурок.

До уха Ши Цзю донёлся тихий, ядовитый шепот. Юноша обернулся и увидел своего соседа: тот сидел на койке, скрестив ноги, и сверлил его неприязненным, высокомерным взглядом.

Ши Цзю огляделся, проверяя, не обращается ли парень к кому-то другому.

— Ты это мне? — спросил он.

— Тебе, — ответ прозвучал без малейшего колебания.

Ши Цзю недоуменно изогнул бровь:

— Я тебе чем-то насолил?

Парень выпрямился и задрал подбородок, глядя на соседа сверху вниз.

— Насолил, — фыркнул он. — Утром я чертовски хотел спать, а из-за того, что ты еле тащился и тормозил очередь, я не мог зайти в автобус и вырубиться. Идиоты... вечно они повсюду.

Ши Цзю лишь позволил себе холодную, лишённую эмоций улыбку.

«Он меня боится».

Страх соседа прятался за напускной агрессией, но сам парень этого явно не осознавал.

— Ты меня боишься? — прямо спросил Ши Цзю.

Собеседник, похоже, даже не понял смысла вопроса.

— Боюсь твоего папашу, придурок! — огрызнулся он.

Ши Цзю уже собирался ответить, но дверь распахнулась, и в камеру вошел Хэ Вэй с аптечкой в руках.

— Ши Цзю! Давай сменим повязку. Ложись и не двигайся.

Только сейчас юноша заметил, что двери в «одиночках» не запираются на замок, а лишь плотно притворяются. Хэ Вэй осторожно снял жгут, обнажая рану. Он быстро обработал края антисептиком, наложил свежую мазь и снова затянул повязку.

— Порядок, кровь больше не идет. Теперь главное — покой. Ране нужно время, чтобы затянуться, так что старайся поменьше двигаться. Считай это санаторным режимом.

Хэ Вэй встал, но внезапно его взгляд упал на соседа Ши Цзю. Его губы дрогнули, но он не проронил ни слова. Заметив это, Ши Цзю предложил:

— Я хотел бы немного прогуляться. Пойдем вместе?

— Да, давай.

Черные муравьи, собравшиеся было в кучу, нырнули в щели бетонного пола и бесследно исчезли в глубине.

Они вышли на небольшую площадку перед зданием. Слабого света из тюремных окон едва хватало, чтобы различать лица друг друга.

— Вы знакомы? — спросил Ши Цзю.

— Кто?

— Мой сосед по камере.

Хэ Вэй замялся, в его голосе проступила неловкость:

— А, Лин Чаоцзянь... Можно и так сказать. Он с нашей улицы, вечно ввязывается в драки. Мать его, кажется, недолюбливает, вот он и озлобился на весь мир. Ведет себя как психопат — может вспыхнуть на ровном месте, даже если его не трогать. Он тебя задирал?

— Да так, перебросились парой слов, — сухо ответил Ши Цзю.

— Не лезь к нему, — обеспокоенно добавил Хэ Вэй. — Ты сейчас не в той форме, чтобы драться.

Разговорившись, Ши Цзю узнал, что Хэ Вэй — свободный писатель. Его семья когда-то владела технологиями виртуальной реальности — индустрией, которая процветала десятилетиями. До Войны последней эпохи люди искали забвения в цифровых мирах, пытались компенсировать там то, чего им не хватало в реальности. Но годы, проведенные в шлемах и за экранами, не прошли бесследно. Привыкнув к формату общения «человек — машина», люди постепенно утратили навыки живого взаимодействия. Даже если на другом конце провода был реальный собеседник, сама механика коммуникации деградировала. Сталкиваясь с трудностями в настоящем мире, граждане вновь бежали в виртуал за легким утешением, где не нужно было нести ответственность. Этот порочный круг приносил корпорациям баснословные прибыли.

Семья Хэ Вэя накопила огромное состояние, но война и запуск проекта «Исток» всё изменили. Когда люди получили возможность заглянуть в самую суть человеческого бытия, они осознали, что самое ценное — это те, кто находится рядом. Внимание общества вернулось к реальности, и семейное дело начало увядать.

Впрочем, былого богатства Хэ Вэю вполне хватало на безбедную жизнь. Он писал романы, гонорары за которые не покрывали и недели его расходов, а остальное время тратил на путешествия, верховую езду и стрельбу. Пока полмесяца назад во время занятий конным фехтованием у его партнера не случился приступ — тот рухнул с лошади, а поднявшись, в безумном порыве пронзил животное мечом.

— А ты? Как ты умудрился оказаться в очереди на изоляцию? — поинтересовался Хэ Вэй.

Судя по всему, он слышал утреннюю перепалку. Ши Цзю ответил максимально спокойно:

— Поссорился с любимым человеком. Хотел позлить его, а когда опомнился — было уже поздно. Пути назад нет.

В сочинении небылиц Ши Цзю всегда был мастером. Хэ Вэй искренне удивился:

— Ну ты и сорвиголова... Разве можно так рисковать? Ведь не факт, что болезнь излечима... — Он осекся, испугавшись, что его слова прозвучат как дурное предзнаменование.

Ши Цзю это не задело.

— Ты прав, — лаконично согласился он.

Ужинать Ши Цзю не стал — аппетита не было, рана вытягивала силы. Он попрощался с Хэ Вэем и вернулся в камеру. Сон навалился мгновенно. Где-то сквозь дрему ему почудился чей-

то плач, но сознание уплыло в темноту прежде, чем он успел вслушаться.

В тюрьме не было выключателей. Кроме маленьких настольных ламп в камерах и тусклых, грязных люстр, горел лишь один огромный светильник под потолком зала. Его слабого, колеблющегося света не хватало, чтобы разогнать тени по углам; он горел всю ночь, точно безмолвный, вечно бдящий страж. Снаружи стояла мертвая тишина: ни стрекота насекомых, ни лая собак.

На следующее утро Ши Цзю проснулся от шума в зале — подростки снова гомонили у железных столов. Солнце уже стояло высоко. Юноша сел на кровати и обнаружил, что пол завален вещами соседа: одежда, сумки и чемоданы Лин Чаоцзяня заполнили даже пространство у умывальника.

— Убери свои вещи, — ровным голосом произнес Ши Цзю.

Лин Чаоцзянь, увлеченно игравший в портативную приставку, лениво отозвался:

— Ага, сейчас.

И даже не пошевелился. Ши Цзю лишь раздраженно прикрыл глаза. Стараясь не тревожить раненую ногу, он выбрался из камеры и устроился за ближайшим свободным столом. Вид у большинства ребят был изможденный.

— Да сколько можно! — донеслось из-за соседнего стола. — Скажите этому мужику, чтобы заткнул своего ребенка! Всю ночь проорал, глаз не сомкнуть!

Вскоре послышался извиняющийся голос отца:

— Простите, малышу здесь непривычно. Я постараюсь что-нибудь сделать.

Мужчина был настолько вежлив, что жалобщики нехотя замолкли. Кроме еды и воды, принесли большую коробку с капсулами. Надпись на крышке гласила: «Одна доза в день. Принимать по четыре капсулы».

Хэ Вэй принес Ши Цзю его порцию. Юноша заглянул в контейнер: скудное месиво выглядело крайне неаппетитно. Только вода в запечатанных бутылках внушала доверие. Капсулы же и вовсе казались кустарной подделкой: оболочки выглядели так, словно их кто-то вскрывал, наполнял порошком и закрывал обратно. Однако Ши Цзю видел, как другие дети без тени сомнения запивают эти таблетки водой.

— Ты не будешь? — спросил Хэ Вэй.

Ши Цзю помедлил, глядя на еду, и все же съел несколько ложек. На вкус оказалось терпимо, хоть и выглядело отвратительно. Глядя на гору пустых ланч-боксов в углу, юноша почувствовал подступающую тошноту. Остатки соуса, жирная жижа и крупинки черного перца напоминали ему муравьев, утонувших в масле.

Капсулы он просто крутил в пальцах, пока оболочка не размякла и порошок не высыпался наружу. После чего он хладнокровно сбросил остатки лекарства в объедки и оставил себе только бутылку воды. Хэ Вэй промолчал, хотя в глубине души обеспокоился. Он считал, что Ши Цзю ведет себя безрассудно — даже если тот не был заражен раньше, тридцать дней в тесном контакте с такой толпой могли обернуться трагедией. Впрочем, сама идея подобной изоляции казалась Хэ Вэй странной. «Наверное, у Центра цивилизации есть свои соображения, которые нам не понять», — успокоил он себя и решил не вмешиваться.

Настроение подростков было переменчивым. Еще вчера они рыдали и требовали вернуть их к матерям, а сегодня вели себя так, будто ничего не случилось. Те семеро-восьмеро друзей с одной улицы сбились в тесный круг, то взрываясь хохотом, то яростно споря. Вокруг них терлись одиночки, надеясь приобщиться к компании.

Ши Цзю не тянуло к общению. Десятилетняя разница в возрасте казалась ему сейчас непреодолимой пропастью. Ему хотелось уйти, но он помнил наказ Чэнь Ая не использовать способности без нужды. Особняком держались лишь трое: Лин Чаоцзянь, не отлипавший от приставки, отец с младенцем и сам Ши Цзю.

Так прошло несколько дней. Всё шло относительно мирно, пока однажды ночью Ши Цзю не проснулся от криков. Плач младенца становился всё громче, эхом разлетаясь под тюремными сводами, пока не начало казаться, что плачут сотни детей разом.

— Да кто там орет?! Заткнитесь! — вопили из камер.

— Эй, мужик! Уйми своего мелкого, людям спать надо!

— Да чтоб вас!

Ши Цзю услышал, как хлопнула решетчатая дверь, послышались торопливые шаги. Затем лязгнул замок на главном выходе, и плач стал глуше. Отец, не выдержав давления, вынес ребенка на улицу. Хотя звуки доносились сквозь стены, вскоре тюрьма снова погрузилась в тяжелое забытие.

С тех пор каждую полночь мужчину под градом проклятий выставляли спать наружу. Но спокойствие было лишь видимым. Ши Цзю кожей чувствовал назревающий гнев. Плохие условия и постоянный недосып делали подростков раздражительными. Однажды, забирая воду, Ши Цзю невольно подслушал разговор той самой «главной» компании.

— Сюда реально никто не заходит?

— Похоже на то. Только еду утром оставляют.

— А где живут те, кто ее носит?

— Да черт их знает. Наверное, в соседних корпусах.

— Но нам туда не пройти.

— Да и плевать. Главное, что над душой никто не стоит. Полная свобода!

— А мне тут даже нравится, хе-хе. Можно до утра не спать, и никто слова не скажет.

Слушая их, Ши Цзю нахмурился. Он чувствовал: в воздухе повисло нечто пугающее и странное.

<http://bllate.org/book/16109/1587919>